

Возбудимые личности

Весьма существенны черты характера, вырабатывающиеся в связи с недостаточностью управляемости. Они выражаются в том, что решающими для образа жизни и поведения человека часто являются не благоразумие, не логическое взвешивание своих поступков, а влечения, инстинкты, неконтролируемые побуждения. То, что подсказывается разумом, не принимается во внимание.

Само понятие влечения можно трактовать обобщенно, усматривая в нем, главным образом, стремление к разрядке в большей мере физического, чем морального (духовного) свойства. Вот почему в таких случаях можно говорить о патологической власти влечений. При повышенной степени реакций этого типа мы сталкиваемся с эпилептоидной психопатией, хотя прямая связь с эпилепсией отнюдь не обязательна. Возможно, в данном случае существует известное сходство с психическим складом больного эпилепсией, но внутреннего родства нет никакого.

Реакции возбудимых личностей импульсивны. Если что-либо им не нравится, они не ищут возможности примириться, им чужда терпимость. Напротив, и в мимике, и в словах они дают волю раздраженности, открыто заявляют о своих требованиях или же со злостью удаляются. В результате такие личности по самому пустячному поводу вступают в ссору с начальством и с сотрудниками, грубят, агрессивно швыряют прочь работу, подают заявления об увольнении, не отдавая себе отчета в возможных последствиях. Причины недовольства могут оказаться самыми разными: то им не нравится, как на данном предприятии с ними обращаются, то зарплата мала, то рабочий процесс их не устраивает. Лишь в редких случаях речь идет о тяжести самого труда, ибо возбудимые личности, как правило, имеют склонность к занятиям физическим трудом и могут похвастаться тут более высокими, чем у других людей, показателями. Раздражает их чаще не столько напряженность труда, сколько моменты организационные. В результате систематических трений наблюдается частая перемена места работы.

По мере возрастания гнева личности с повышенной возбудимостью от слов обычно переходят к - "делам", т.е. к рукоприкладству. Бывает, что рукоприкладство у возбудимых личностей опережает слова, так как такие люди вообще не очень склонны обмениваться мнениями, если не считать отборных ругательств. Ведь обмен мнениями равнозначен обмену мыслями, а уровень мышления таких людей довольно низок. Да они

и не ощущают потребности в объяснении - ведь причина гнева и так ясна. И все же не скажешь, что поступки и действия этих импульсивных людей опрометчивы, скорее наоборот, их досада подспудно растет, постепенно усиливается и ищет выхода, разрядки. Уже одна их неповоротливость, тяжеловесность, о которой речь пойдет ниже, несовместима с быстротой реакций. Наблюдается скорее непомерное наращивание аффекта, чем его вспышка, поэтому внезапные взрывы гнева менее характерны для таких людей, гораздо типичнее его массивные проявления. Впрочем, часто и в тех случаях, когда реакция характерна именно своей интенсивностью, тоже употребляют обозначение вспыльчивость. Раздражительность, которая свойственна также и холерическим натурам, у последних не отличается подобными массивными реакциями, она более быстротечна. Когда сердится холерик, у него сразу же проявляется возмущение, протест; возбудимая личность в подобном случае бывает не столько возбуждена, сколько сосредоточена на аффекте, и то, что этот человек расстроен, часто можно определить по одной лишь мимике. На приеме у врача - а обстановка приема возбудимым личностям обычно неприятна - они чрезвычайно скупы на слова, сидят, угрюмо глядя перед собой, на вопросы почти не отвечают.

Импульсивность патологического характера относится также и к влечениям в узком смысле слова. Возбудимые личности едят и пьют все подряд, без разбору, многие из них становятся хроническими алкоголиками. Когда хочется вылить, они не думают об опасности внезапного острого опьянения и о пагубных последствиях для служебного престижа, для семейной жизни, здоровья. Среди хронических алкоголиков можно найти немало возбудимых личностей.

Импульсивны их проявления и в сексуальной сфере, однако у мужчин это не очень бросается в глаза, так как они, будучи неумеренными в половых потребностях, часто длительное время не меняют партнершу, более того - довольно прочно к ней привязываются. Впрочем, это не имеет никакого отношения к верности, просто с данной женщиной инстинкт удовлетворяется наиболее полно. Если же таких людей охватывает влечение к другой женщине, то они без раздумья ему следуют. Они неразборчивы в половых связях, особенно в юные годы, и часто становятся отцами множества внебрачных детей. У женщин также часто наблюдается постоянство в отношении избранного партнера, у немолодых женщин подобным путем нередко устанавливаются длительные половые связи. Однако возбудимые личности - молоденькие девушки, а также эпилептоидные психопатки в юном возрасте нередко полностью лишены моральных устоев и легко отдаются многим мужчинам. Некоторые эпилептоидные психопатки вступают на путь проституции.

Вообще, моральные устои в жизни возбудимых личностей не играют сколько-нибудь

заметной роли. При "благоприятных" обстоятельствах они нередко совершают нечестные поступки, например берут то, что "плохо лежит". Уголовные преступления эпилептоидных психопатов-мужчин чаще всего связаны с грубыми актами насилия. У подростков наблюдаются случаи изнасилования девушек.

У возбуждаемых личностей обоих полов в юности нередко импульсивные побеги из дому. Нередко возбуждаемых подростков что-либо дома не устраивает, а простейшим выходом им кажется удрать, порвать всяческую связь с домом. Иногда это способ избежать на некоторое время посещения школы, а что будет дальше - для них не имеет значения. Девочки во время таких побегов, попадая в бедственное положение, часто завязывают сексуальные отношения с мужчинами. Мальчики совершают взломы либо для того, чтобы чем-нибудь поживиться, либо просто в поисках ночлега.

Наблюдаются также немотивированные побеги, чаще всего тоже у подростков с легковозбудимым, импульсивным характером. Высказывания об этом в литературе мы встречаем у Ширмера. Подростки или дети часто уезжают в таких случаях далеко от дома и задерживаются в местах, "где есть на что посмотреть", но в момент побега такой цели у них могло и не быть. Поскольку лица с эпилептоидными чертами характера обладают примитивными импульсами, то возможно, что в них просыпается древний инстинкт к бродяжничеству, проявляется извечная жажда переживаний, принимающая опять-таки свою древнейшую форму. Эта жажда побуждала, возможно, когда-то людей искать все новые переживания и тем самым накапливать жизненный опыт. В своей книге "Инстинкты и первичные инстинкты" я прихожу к заключению, что примитивные (древние) инстинкты проявляются преимущественно в детском возрасте.

Когда преступность возникает на почве неудержимого инстинкта, она носит не совсем обычный характер. Хотя возбуждаемая личность, совершившая грубое насилие, часто характеризуется как бессердечная, бездушная, а причиной преступления считается жестокость, такая оценка основана на непонимании этих людей. Акты насилия у них вызываются не бездушием, а аффективным напряжением (стрессом). В спокойном состоянии эти люди отличаются привязчивостью, заботятся о своих детях, любят животных и нередко готовы оказать любую помощь. Эти добрые чувства социального порядка у них точно так же, как и дурные, не испытывают торможения. Однако социальный долг высшего порядка - для них в общем чуждое понятие. Они не осознают, что нельзя прогуливать уроки, что нельзя до безобразия напиваться, что пропустить хотя бы один день на работе разрешается только по весьма уважительной причине, что перед начальником работник обязан отчитываться.

Сходство проявлений эпилептоидной психопатии с изменениями характера эпилептического порядка проявляется еще и в тяжеловесности мышления. У возбудимых личностей констатируется замедленность мыслительных процессов. Затруднено даже восприятие чужих мыслей, так что часто приходится прибегать к долгим и детальным объяснениям, для того чтобы быть правильно понятым ими. Особенно бросается в глаза замедленность мышления тогда, когда обследуемому нужно хотя бы немного задуматься над ответом. Задавая простейшие вопросы, приходится подолгу ждать ответа. Если же предоставить такому человеку возможность говорить, не перебивая его, то замедленность проявляется в чрезмерной обстоятельности. Они рассказывают о мелких подробностях, "размазывают" их, а на информацию по существу их все равно приходится "наводить".

Интеллектуальную тяжеловесность эпилептоидных психопатов можно, как правило, распознать в самом простом разговоре, но особенно ясно она видна при опросах с целью проверки интеллектуального уровня. Так же убедительно доказывается тяжеловесность мышления и пробой на продуктивность. Испытуемому предлагают в течение 3 мин назвать как можно больше предметов. Нормальный человек называет не менее 60 понятий, эпилептоидный психопат значительно от него отстает.

Тяжеловесность мышления, затрудняющая и внутреннее переключение психики, может проявиться и в педантичности, которая, однако, далеко не так четко проявляется у эпилептоидных психопатов, как у большинства эпилептиков.

Более или менее четко проявляющиеся признаки возбудимой личности могут несколько сглаживаться наличием природного ума, однако не настолько, чтобы снять движущую силу инстинкта. Решение, которое импульсивными людьми принимается в нормальном состоянии, "в здравом уме", следующий же приступ эмоционального возбуждения может свести на нет. Особенно заметно это у возбудимых детей. Можно прилагать любые усилия, взывать к благоразумию, неотступно вести намеченную тактику - и все же воспрепятствовать проявлению импульсивных реакций невозможно. Ни в одном из случаев акцентуации другого рода воспитательное воздействие не является столь труднодостижимым. Возможно, это происходит в силу того, что сама сфера инстинктов, которая порождает импульсы, остается недоступной для воспитательных мероприятий. Впрочем, по мере созревания личности наблюдается некоторое улучшение. При различных побуждениях и "соблазнах" повседневной жизни у этих людей оказывается достаточно самоконтроля, чтобы удержаться от безрассудства. И лишь при необычных, острых аффективных напряжениях самоконтроль исчезает.

Общие черты у эпилептоидных психопатов и эпилептиков наблюдаются не только в психике. Часто у них отмечается атлетическое телосложение. Отличаясь большой физической силой, возбудимые личности в состоянии аффекта могут становиться зверски жестокими - ведь уже под влиянием одного лишь аффекта физическая сила возрастает.

Чтобы представить картину как можно более четко, я в изложении касался пока не столько возбудимых личностей, сколько эпилептоидных психопатов. Поэтому как первый пример я описываю обследуемого, которого нельзя безоговорочно отнести к психопатам, несмотря на наличие у него характерных для них черт.

Хельмут Х., 1921 г. рожд., по профессии историк. В школе учился хорошо. По окончании вуза получил специальность германиста и историка, работает в научно-исследовательском институте. Женат с 1955 г., имеет двоих детей.

У Х. уже давно намечается склонность к импульсивным реакциям, но в присутствии посторонних лиц он обычно сдерживается. Очень груб в обращении с женой, с детьми, сорит ругательствами, но до насилия дело не доходит.

Если ему не удастся "сильно отреагировать", то он все равно ищет способа "разрядиться": стучит кулаками по столу, рвет и разбрасывает свои деловые бумаги, выбегает из дому. Любая мелочь способна вызвать у Х. состояние аффекта. В магазине, например, совсем короткое ожидание в очереди доводит его до такого раздражения, что он не способен сдержаться. При конфликтах дело нередко доходит до истошных криков. Х. осуждает свое недостойное поведение, но не может держать себя в руках. Несколько раз пытался подавлять возмущение алкоголем. Во время длительных конфликтов раздражительность Х. увеличивалась еще и в связи с тем, что он лишался сна. В состоянии возбуждения и после него нередко впадал в депрессию, таил мысли о самоубийстве.

В клинике, во время приема, обследуемый полностью осознавал свою патологическую возбудимость, был подавлен ею. Склонность к самоубийству оказывалась то своеобразным выражением возбуждения, так как последнее проявлялось не только в гневе, но и в депрессии, то носила характер реакции.

Х. прилагал много стараний, чтобы стать сдержанным. Он неоднократно подавлял ругательства, готовые вот-вот сорваться с языка. Несмотря на высоко развитый интеллект Х., в беседах с ним сказывалась замедленность, заторможенность. Его мысли часто упорно и непродуктивно кружились вокруг какой-то побочной темы, переключиться на главное ему было нелегко. При выписке из клиники Х. твердо верил, что ему удастся в будущем справиться с собой. И действительно, после выписки Х. из стационара конфликтов в институте стало значительно меньше.

Перед нами обследуемый, сочетающий легкую возбудимость со склонностью к аффективным взрывам. Если что-либо противоречит его желаниям, его все сильнее охватывает внутреннее раздражение, требующее разрядки. То, что параллельно со вспышками гнева проявляются черты депрессии, - явление обычное. У некоторых возбудимых личностей состояние психического расстройства нередко носит депрессивный характер, что толкает их в конечном итоге к самоубийству. Депрессивная настроенность требует разрядки в такой же мере, как и возбуждение.

Медлительность мышления у Х., несмотря на развитость интеллекта, подтверждает наличие акцентуации. С другой стороны, у него намечается и возможность компенсации аномальной готовности к определенным реакциям. Обследуемый все же не был полностью во власти своих эмоций. Пока не прибавилась дополнительная нагрузка в виде конфликтов, он способен был владеть собой. Эмоциональная возбудимость Х. не послужила препятствием также и к продвижению по службе. После лечения он вернулся на прежнее место работы.

У следующего обследуемого психическая зависимость от эмоций и влечений выражена более ярко, но и его состояние, в основном, не выходит за пределы нормы.

Клаус Ш., 1928 г. рожд. В школе учился хорошо, но часто менял место учебы, что сказывалось на успеваемости. По профессии он преподаватель экономики, хотя в свое время не смог довести до конца дипломный проект. Перегрузка по месту работы, тщетные поиски квартиры - все это доводило его до отчаяния. В порыве отчаяния он однажды выбил оконное стекло, в другой раз швырнул в стелу тяжелую чернильницу. Когда жена заговорила о клинике, он вначале очень возмутился, но позднее согласился.

В клинике Ш. рассказал, что к своей профессии он пришел не прямым путем. Сначала думал стать художником, но затем в нем заговорили педагогические склонности. Однако

и на этом поприще он успел уже несколько раз изменить уклон. В 18 лет он убежал из дому, чтобы поступить в иностранный легион, но через несколько дней вернулся в семью. В браке - постоянные столкновения (может ударить жену по лицу). Однажды избил пожилого прохожего за то, что тот якобы неуважительно обратился к его теще. После подобных выпадов всегда испытывает глубокий стыд. Преподавателем считается хорошим, но несколько педантичным. Во время беседы часто останавливается, подыскивая нужное слово, формулировку.

В клинике отличался особой медлительностью. В пробе на продуктивность назвал 56 понятий. Несколько раз обнаруживал резкую раздражительность, однако после разъяснения и увещаний Ш. признавал свою неправоту. При выписке верил в то, что обретет самообладание.

Мы видим и на примере Ш., как трудно таким людям справляться с обуревающим их возбуждением. Медлительность мышления подтверждает наличие акцентуированной возбудимости. Однако последняя в целом не мешает нормальному ходу жизни.

Приведем теперь пример обследуемого, злоупотребляющего алкоголем, описанного Ширмером в нашем коллективном труде.

Вилли П., 51 год, слесарь по ремонту машин. Из семьи пьяниц: отец пьет пиво, легко возбуждается, неумеренно пил слабоумный брат матери, дед по матери - алкоголик, отличающийся пароксизмами гнева.

С момента окончания обучения П. работает по специальности, место работы меняет редко.

После полового созревания, которое наступило в 16 лет, резко изменился его характер. До этого П. был приветливым и спокойным, теперь стал легко приходить в ярость, сделался грубияном.

П. всегда молчалив - и в будни, и праздники. Любит, чтобы кругом царил покой, "тогда и

работается хорошо". Ложится не позднее 19 ч, встает в 4 ч 30 мин. Любит в свободное время выполнять разные домашние работы, в чем проявляет большую сноровку. Охотно помогает соседям нарубить дров, сложить их, денег за это не берет. По окончании работы, молчаливый и угрюмый, отправляется домой. "Его никогда не увидишь веселым", - говорит мать.

П. легко раздражается и тогда ругается, кричит, приходит в бешенство. "Отреагировав" таким образом, молча продолжает работать. На заводе пока до эксцессов не доходило, но во время приступа он "весь дрожит", работать нормально не может, хотя и молчит. Его начальник сообщил, что примерно недели три П. "держится", а затем словно специально ищет повод для ссоры. Случается, что в припадке гнева бьет жену, а потом очень жалеет об этом.

Пить начал в 1944-1950 гг. В этот период он был военнопленным во Франции и работал у крестьянина-виноградара. "Там с утра до ночи пили, как встанут, так и начинают". Здесь П. привык к вину. Вернувшись на родину, он год не пил, затем начал пить водку и пиво (вино в ГДР трудно было достать). Вначале пил в трактире, изредка, а затем стал пить дома в одиночку. В состоянии опьянения П. более легко возбудим, чем будучи трезвым. Его называют "быком". Он ругается нецензурными словами, избивает жену. Жена об этом рассказала нам с опаской: "Не узнал бы, а то убьет".

У П. возбудимый характер проявляется весьма ярко. Его склонность к сильным взрывам гнева сочетается с общей тяжеловесностью. Угрюмое поведение характерно у П. для периодов "затишья". Однако угрюмость не обязательна: в клинике, например, П. был спокоен и доволен; с удовольствием работал он у соседей, оказывая им помощь в хозяйстве по собственной инициативе. Благодаря старательности в физическом труде, явно доставлявшем ему удовольствие, в асоциальном поведении П. многое сглаживалось. Поскольку проявления насилия у

П. обычно были связаны со злоупотреблением алкоголем, можно полагать, что при отсутствии этого возбуждающего средства он был бы вполне уравновешенным человеком.

В детстве способность управлять влечениями и эмоциями понижена даже у нормальных детей, осознанный контроль поступков у них еще отсутствует. Вследствие этого особенности возбудимых личностей и эпилептоидных психопатов в детстве

проявляются особенно резко.

Привожу пример ребенка, описанного Рихтером в нашем совместном труде.

Рената М. поступила в наше детское отделение в 8,5 года. Рената - внебрачный ребенок. Мать, вполне добропорядочная и аккуратная женщина, сдала ее в интернат, потом вышла замуж, сейчас имеет двоих детей. Когда Ренате было 1,5 года, ее удочерил родной отец, человек легкомысленный, с яркими сексуальными проявлениями. К этому времени он успел жениться, и мачеха очень привязалась к Ренате: когда появились трудности с воспитанием девочки, она даже оставила работу.

Рената родилась нормальным ребенком, но развивалась несколько замедленно. Особенно это ощущалось в развитии речи. С четырех лет посещала детский сад. Несмотря на то что к ней относились дома очень заботливо, она несколько раз убегала в город, вместо того чтобы играть в доме или во дворе. Рената неряшлива, с игрушками обращалась небрежно. Это очень ласковая девочка, любит проявления нежности, но временами бывает угрюма.

Уже через две недели после поступления в школу начались жалобы учителей. Рената не подчинялась никаким правилам, во время уроков расхаживала по классу, пела, шалила, убегала в коридор. Но во всем этом как-то не ощущалось естественной для детей живости, шалости ее были какие-то неуклюжие. Иногда Рената вообще не поддавалась никакому воздействию. В такие периоды она убегала из школы или из дому. Девочка не объясняла своих побегов, говорила только, что думала скоро вернуться. Иногда она опаздывала на занятия или вообще не появлялась в школе. Неоднократно полиция доставляла ее домой. Уходя из дому или из школы, Рената бродила по городу, рассматривала витрины магазинов.

Будучи во втором классе, она начала воровать небольшие суммы из кошелька мачехи, порой и у посторонних людей. Деньги уходили на воздушные шарики, мороженое, молочный коктейль. В магазине самообслуживания она стащила пирожные. В проступках никогда не сознавалась. Только угрозой тяжелого наказания можно было выудить у нее признание вины.

Вообще Рената много лгала. На замечания девочка реагировала упрямо и даже возмущенно, наказания на нее не действовали. Вскоре после очередного скандала она начинала вести себя так, словно ничего и не было. С детьми она ладила, у нее было несколько подружек.

Положение становилось все хуже, девочку, наконец, отправили в клинику. Рената в момент поступления была высокой стройной девочкой. Ее поведение не отличалось постоянством. Обычно она была услужлива, приветлива, но порученное дело выполняла медленно и крайне небрежно. Умственное развитие ее несколько ниже среднего. Иногда становилась угрюмой, необщительной. В такой момент могла побить окружающих ребят, однажды ударила больную девочку в живот. В это время в играх не участвовала, никаких поручений не выполняла.

В детской группе искала контактов со старшими мальчиками, старалась привлечь их внимание, показываясь перед ними полураздетой. Если же мальчики подходили к ней, она пускалась наутек с криком, что они хотели "подсмотреть".

Не могло быть и речи о том, что отрицательные стороны характера Ренаты являются результатом неправильного воспитания. Мачеха искренне любила девочку, очень заботилась о ней. Поведение Ренаты не изменилось и тогда, когда она попала в ровные воспитательные условия нашего детского отделения. Если Ренату ничто не злило и особо не соблазняло, она казалась милым ребенком с мягким, добрым характером. Это характерно для всех эпилептоидных детей. Мы уже упоминали о том, что при данной структуре личности не исключены социальные контакты, вполне человеческие эмоциональные реакции. Однако гораздо ярче представлена обратная сторона - Рената порой оказывалась всецело во власти асоциальных побуждений. Она убегала из дому и из школы, когда ей вздумается, по самому пустяковому поводу. Она воровала, чтобы полакомиться сладостями, и при этом лгала безапелляционно, лишь бы отвести от себя подозрение. За наказанием следовали упрямство и гневные реакции. Злясь на других детей, она, не задумываясь, избивала их. Этот восьмилетний ребенок не был чужд и сексуальных устремлений (эпизод со старшими мальчиками).

Эпилептоидные черты характера у детей встречаются нередко. В нашем детском отделении, куда поступает множество детей с резким отклонением в поведении, встречались, далеко не к радости воспитателей, и возбудимые личности. Импульсивные упрямые реакции детей способны вызвать добрую и снисходительную улыбку лишь тогда, когда эти дети значительно младше Ренаты. Чем старше ребенок, тем сложнее бороться с его распушенностью.

В отношении детей с таким характером, как у Ренаты, встает вопрос о дальнейшей их судьбе. Воспитательное воздействие на эпилептоидов вообще затруднено. Кроме того, отец Ренаты относится к той же психической категории (возбудимых личностей), что и дочь. Учитывая все это, мы не можем дать обнадеживающего прогноза.

В период полового созревания, когда на человека с особой силой обрушивается волна физических влечений, асоциальные проявления возбудимых личностей усиливаются. Те лица, которые в детстве казались более или менее уравновешенными, становятся теперь вызывающе грубыми.

Обе девушки, описываемые ниже, после полового созревания стали отличаться вульгарностью и преступными склонностями.

Маргот Г. появилась у меня на приеме впервые в 25 лет. Отец - пьяница, склонный к припадкам возбуждения (во время опьянения, например, бьет посуду). Мать в такие периоды запирает от него детей. Впрочем, она и сама выпивает. Сестра обследуемой тоже алкоголичка. Двое ее братьев, как и отец, уже несколько раз отбывали наказание за нанесение побоев.

Сама обследуемая - особа крепкая, грубо сколоченная, охотно берется за тяжелый физический труд. Пьет с 15 лет. Когда спиртного у нее нет, хорошо и успешно трудится. В детстве один раз убегала из дому, но вернулась сама; дважды уводила чужой велосипед и оставляла в незнакомом месте. Уже будучи взрослой, дважды воровала велосипеды, объясняя это тем, что украли ее собственный. У мужчины, искавшего с ней интимного сближения, вытащила из пиджака бумажник с деньгами. Обвиняется в краже портфеля. В сексуальной области патологические инстинкты не проявляются.

Особым развитием интеллект Маргот не отличается, но и дебильной ее назвать нельзя. Во время обследования она показала себя неприветливой, угрюмой, скупой на слова, что типично для эпилептоидов. Еще больше она замкнулась, когда речь зашла о нарушениях ею закона. Насилия она не совершала, видимо, пол спасал ее от такого рода эпилептоидных реакций, в то время как отец Маргот и оба брата обвинялись именно в насильственных преступлениях (избиение, нанесение увечий).

Герда Р., 21 год, занималась профессиональным воровством, уже шесть раз была задержана с поличным. Кражи совершала обычно у мужчин, с которыми была в интимных отношениях, а также при других обстоятельствах. Нередко ночевала в гостинице, затем уходила, не заплатив за номер. Во время собеседования выражала крайнее неудовольствие. О наказуемых деяниях ничего не хотела говорить. Умственное развитие Герды в норме.

Эпилептоиды часто встречаются среди проституток. Поскольку влечения у эпилептоидов преобладают над разумом, они часто рано начинают половую жизнь. Легко, без особых колебаний они соглашаются на то, чтобы их сексуальные похождения стали источником материального обеспечения. Совершение ими кражи

- явление такого же характера, как и беспорядочная половая жизнь.

У эпилептоидов-подростков мужского пола импульсивные поступки бывают еще опаснее.

Ханс-Иоахим Ц. в 16 лет, когда я познакомился с ним, имел уже немалый жизненный опыт. С одиннадцатилетнего возраста часто убегал из дому, затем доставлялся через полицию. Часто пропускал занятия в школе. На выговорах за плохое поведение, на расписках за получение библиотечных книг подделывал подписи родителей. Нередко хвастался вещичками, которые он якобы где-то нашел, на самом же деле он их крал. В 15 лет совершил нападение с целью ограбления (деньги ему нужны были, чтобы купить билеты в кино). Это было на улице в отдаленной части города. Ц. набросился сзади на одиноко идущую женщину, повалил ее на землю и отнял сумочку. После этого его поместили в интернат, откуда он скоро сбежал к бабушке, у которой украл несколько сот марок. На эти деньги он приобрел радиоприемник и башмаки. Затем снова интернат, а в 16 лет - снова побег оттуда с товарищем. Вдвоем они взломали гараж, украли два mopеда и на них вновь отправились к бабушке. На этот раз

Ц. украл у нее 1800 марок, на которые накупил всякой всячины: портфель, будильник, два топора, шесть стрел, нож, карты, бумажник. По 250 марок он раздал школьным товарищам, остаток - 460 марок - спрятал в туалете. Примерно в это же время он украл велосипед и разъезжал на нем по городу.

Когда я обследовал Ханса, он был в угнетенном состоянии, на вопросы отвечал неохотно. Не хотел говорить четко, хотя я просил его об этом несколько раз. Фразы произносил очень медленно, строил их громоздко. В пробе на продуктивность он за 3 мин назвал всего 36 предметов. Интеллект Ханса в норме.

Объясняя причину множества своих уголовно наказуемых выходок, он твердил лишь одно: пребывание в школе ему не нравилось, дома он тоже "не мог больше выдержать", а деньги ему были нужны. Когда я попытался разбудить его эмоции, спросил, что же в жизни ему милее всего, он сначала еще больше насупился: никого он не любил и ничто его не интересует - таков был ответ. Но по ходу дальнейшего разговора им все больше овладевала депрессия. Что уж ему теперь говорить! Теперь все кончено. Он прежде очень интересовался химией, но ведь если сейчас вновь угодит за решетку, то для специального образования, отбыв срок, будет уже слишком стар. В словах его чувствовалось сильное внутреннее волнение, в эти минуты Ханса никак нельзя было назвать бесчувственным, черствым.

Мы видим, что этот подросток совершенно безвольно поддавался тем соблазнам, с которыми его сталкивала жизнь. Следует отметить, что у ребенка и подростка сфера желаний вообще исключительно активизирована. Что же говорить о таких подростках, у которых присоединяется патологическая подверженность влечениям, как у взрослого человека с возбудимым типом личности. Преступное действие может быть вызвано только глубоким аффективным напряжением, предельно сильным раздражением.

У Ханса эпилептоидный механизм поведения подтверждается и

тяжеловесностью мышления. Существенно то, что у него удалось вызвать

нормальные эмоции, которые лишь прикрывались сферой инстинктов.

Эпилептоидных преступников во время врачебной экспертизы часто признают "бесчувственными". Эти выводы чересчур прямолинейны: исходя из жестокости, с которой было совершено преступление, заключают, что преступник лишен нормальных человеческих чувств. Это впечатление еще усиливается, когда эпилептоид недовольно реагирует на опрос и с раздражением отвечает тогда, когда следовало бы

демонстрировать глубокое раскаяние. В таких случаях нужно уметь найти подход - лишь тогда удастся приподнять завесу над эмоциональной жизнью пациента.

А человеческого облика не был лишен даже тот убийца, к описанию которого я перехожу.

Хорст Д., 1936 г. рожд., впервые подвергался врачебной экспертизе после того, как в семнадцатилетнем возрасте едва не стал опасным преступником, покушаясь на жизнь старика. Медицинский эксперт дал следующее заключение: "Интеллектуальный уровень Д. невысок, но он не дебилен. Бросается в глаза бездушие, отсутствие хотя бы намек на раскаяние в своем преступлении; он жалеет лишь об одном - что навсегда попадет "за решетку".

В школе обследуемый дважды оставался на второй год. Отец был на войне, матери справиться с Д. было не под силу. Вместо того чтобы ходить в школу, он воровал продукты, белье, часто все это перепродавал. Попал в интернат для малолетних преступников, бежал оттуда. Однажды в пылу драки Д. схватил железные грабли и нанес ими удар по голове одному из своих противников. Тот с тяжелым ранением был отправлен в больницу. Работал Д. частично в сельском хозяйстве, частично на производстве. Часто менял место работы, много пил. В 16 лет украл из сумочки, стоявшей в магазине, кошелек с деньгами. В 17 лет пытался растлить малолетнюю.

Когда Д. было 17,5 года, он проживал в комнате совместно с 73-летним стариком. У них происходили крупные ссоры. Однажды старик обвинил Д. в краже его перчаток, которые сам же и положил куда-то. Такие необоснованные обвинения Д. слышал от забывчивого старика часто и затаил на соседа злобу. Однажды Д. увидел в руках у старика 50 марок. Войдя вскоре после этого в комнату, Д. заметил, что старик дремлет у печки. Он схватил стоявшую поблизости кочергу и с силой ударил ею старика по голове. Старик потерял сознание. Д. перетащил его в кладовку, нанеся еще несколько ударов по лицу, "для верности". В момент, когда он хотел удалиться с 50 марками, его задержали. Тяжело раненный им старик выжил, а Д. в течение 5 лет отбывал наказание в тюрьме.

В 24 года он женился, а в 25 лет предстал перед судом за нанесение тяжелых телесных повреждений жене. В 26 лет Д. развелся. Драку, особенно под действием алкоголя, он затевал довольно часто.

В 27 лет Д. в пьяном состоянии начал избивать собутыльника, который, зная о его судимостях, глумился над ним. Собутыльник в долгу не остался. Д. нанес ему несколько ударов связкой тяжелых металлических ключей, а когда тот упал, стал бить его по голове сапогами. Когда раненый мог уже только стонать, Д. удалился. Изувеченный умер там же, на месте преступления.

Д. объяснил свой поступок яростью против обидчика, назвавшего его "уголовником и растлителем". Вначале он не собирался так расправиться с "этим типом". Но "когда он начал мне угрожать, мне стало безразлично, что с ним будет, и я затоптал его ногами".

Во время обследования Д. показал себя человеком весьма ограниченным, но не дебильным. Был подавлен, говорил мало - ронял отдельные слова. О совершенных им ранее преступлениях не хотел говорить. Мы спросили: раскаивается ли он. Д. ответил: "К чему? Что же я сейчас могу сделать? Ведь мертвого не разбудишь..." Из этого можно было заключить, что он вообще не понимает всего ужаса совершенного им преступления.

Независимо от всего содеянного им я попытался выяснить этическую позицию Д. Тут на его лице появилась тень улыбки. Он рассказал, что очень любит сестер и братьев, что младшего брата даже часто выручал из беды. Любит родителей. Очень жалеет животных - коров, которых ему приходилось доить, лошадей, на которых ездил, за которыми смотрел. Он никогда не ударил ни одной лошади, а те каждый его приход встречали трогательным ржанием. Д. привлекал других кучеров к ответу за жестокость в обращении с животными. К детям он тоже всегда хорошо относился. Детям сестры постоянно привозил сладости, и они его очень любили.

Даже говоря о приятном для себя, обследуемый оставался безрадостным, скупым на слова, тяжеловесным.

В пробе на продуктивность повторилась характерная для эпилептоидов замедленность - Д. насчитал всего 28 предметов. Зато он обладал практической смекалкой, работал быстро, был, по словам его начальника, "парень с головой". Сам Д. говорил, что с заданиями по работе справляется быстрее других.

И у этого обследуемого мы наблюдаем черты возбудимой личности или, точнее, эпилептоидной психопатии. Он пропускает занятия, становится вором, убегает из интерната, защищается при драке граблями и наносит тяжелое ранение сверстнику. Д. напивается до бесчувствия, ему безразлично, где работать, он часто меняет место работы, постепенно превращается в хронического алкоголика. Попытки растления связаны с полной деградацией в сексуальной сфере. В 17 лет Д. чуть не убил человека, поведение которого его раздражало, и присвоил себе его деньги. Наконец, в 27 лет он зверски избивает человека, вызвавшего перед тем его безумное раздражение. Когда этот человек стал угрожать, что донесет на него полиции, аффект Д. возрос непомерно, в результате чего он растоптал своего противника ногами.

Однако нельзя ограничить рассмотрение психики Д. только этими фактами. Его оценка как жестокого, бессердечного человека не дает полной характеристики. Он становится бездушным лишь тогда, когда аффект полностью овладевает им. Когда Д. спокоен, его не назовешь холодным и бесчувственным. Об этом свидетельствует его любовь к детям, к животным. В состоянии аффекта он, конечно, куда более груб и страшен, чем товарищи по работе, которые не совершат насилия. Однако многие из них в спокойном состоянии более черствы и злы, чем Д.

Не должен вводить в заблуждение и тот факт, что эпилептоиды не раскаиваются в своих преступлениях. Если непоправимое произошло, они стараются предать его забвению. Ведь истинное раскаяние предполагает взвешивание, анализ, в результате чего можно осознать значение проступка и представить себе его возможные последствия. Эпилептоидам такой анализ не свойствен. Если их расспрашивать о факте преступления, то они выразят лишь мрачную досаду по поводу того, что им "напомнили", но не проявят никакого желания "копаться" в прошлом. Последнее особенно характерно для детей, у которых вообще аффект быстрее улетучивается из памяти. Поэтому у экспертов в отношении Д. вначале сложилось ошибочное мнение, что у него нет "ни намека на раскаяние" в своем преступлении.

Д. - типичный эпилептоид. Это проявляется и в тяжеловесных реакциях, и в замедленности пробы на продуктивность. Об этом же свидетельствует и невысокий уровень его интеллектуального развития. С физической стороны диагноз подтверждается тем, что обследуемый - человек плотный, явно атлетического сложения.

Если внимательно вдуматься в приведенные выше описания, особенно убийцы, то можно прийти к выводу, что у этих примитивных личностей эпилептоидного типа

отсутствует ("выпадает") тот участок развития психики, в ведении которого находятся этические общественные нормы. Эта филогенетически новая сфера человеческой психики, на уровне которой благоразумие обретает господство над инстинктами и неконтролируемыми побуждениями, у таких личностей вообще не развита.

Каждый психический слой обладает сложной природой, поэтому, безусловно, возможны случаи, в которых компоненты того или иного слоя представлены лишь частично. Например, существуют лица, тяжеловесные и медлительные в своих реакциях, не склонные, однако, к вспышкам гнева или к частой перемене места работы. Лица эти, если данные черты их характера четко обрисованы, реагируют вяло и медленно, как и эпилептоиды, и при самом тщательном опросе нельзя установить у них проявлений раздражительности или импульсивности. Эти люди добились хорошего положения, не собираются менять место работы, вполне удовлетворены занимаемой должностью. Создается впечатление, что, благодаря своей тяжеловесности, они и профессионально как бы малоподвижны, а поэтому скорее представляют свойства, прямо противоположные "летунству".

У некоторых людей сходной с эпилептоидами чертой является скрупулезность мышления, его педантичность. В своем поведении они не медлительны, не обнаруживают и признаков моральной инертности. Нередко мы видим их на высоких постах. Такие люди не способны рассказать о чем-либо без упоминания абсолютно несущественных деталей, они не могут не начать издалека, вплетают в свое сообщение разные несущественные моменты, имеющие к сути дела лишь косвенное отношение. Часто они повторяются, чтобы "сформулировать поточнее". Полагаю, что многим, присутствовавшим на дискуссиях, различных заседаниях, знаком этот тип. Уже в момент, когда они просят слова, знаешь, что надо запастись терпением, чтобы выслушать их до конца. Психиатру легко установить, что при четкой выраженности данной акцентуации перед нами открывается как раз та картина, которую мы наблюдаем при эпилептоидной педантичности. Правда, при углубленном обследовании можно выяснить, что у некоторых лиц их реакции в аффекте отмечаются какой-то неуправляемостью, однако у многих акцентуация ограничивается лишь своеобразным мыслительным педантизмом.

Таким образом, резкие, ярко выраженные проявления общей тяжеловесности или скрупулезной педантичности мышления акцентуированных личностей дают основание говорить об эпилептоидной психопатии.

Автор - Карл Леонгард "Акцентуированные личности"

Возбуждаемые личности

Автор: admin

10.11.2010 10:12 -
